

DOI 10.25587/SVFU.2018.9.11680
УДК 398.22(470.111/.13)

А. В. Паниюков

Коми научный центр УрО РАН

ИЖМО-КОЛВИНСКИЙ ЭПОС: ИСПОЛНИТЕЛЬ – ТЕКСТ – АУДИТОРИЯ

Аннотация. В статье раскрываются особенности становления и развития ижмо-колвинской эпической традиции. Анализ фольклорных и этнографических архивных материалов и собственных полевых записей позволяет говорить о глубокой биэтничности и бикультуральности рассматриваемой традиции. Взаимосближение двух абсолютно разных культур – коми-ижемцы за короткий срок освоили оленеводство и мир кочевника, а колвинские ненцы перешли на оседлый образ жизни, переняли язык и обычаи ижемских коми – здесь приобрело системный эффект. Автором рассмотрен ряд взаимосвязанных факторов, определивших специфику возникшей здесь фольклорной системы «Исполнитель – Текст – Аудитория». Полу-кочевое оленеводство, уникальное во многих отношениях, совмещало и деревенский космос (в зимний период), и мир кочевника. В контексте бытования фольклорной традиции оно создавало и два эпических мировосприятия, и две аудитории, на которые были ориентированы певцы. Здесь возникло особое внутрисемейное двоумирие, при котором коми-ижемки, выходя замуж за колвинских ненцев, приносили в новую жизнь свой язык, свои обычаи, свое лирическое мировосприятие, а мужчины – носители эпического мира, эпических знаний оставались ненцами. Не менее важным фактором для понимания специфики традиции являлась и двуязычность аудитории. Не только исполнители, но и слушатели обладали особой языковой компетенцией, создающей особые условия для трансляции фольклорных знаний. Все эти процессы глубоко взаимосвязаны и с жизнью фольклорной культуры как таковой. Именно в силу взаимодействия отмеченных системных факторов в ижмо-колвинском эпосе, несмотря на позднее формирование, можно выделить пласты, характерные для генетически разных этапов развития эпоса. Собственно эпическая традиция органично соединила в себе ненецкий фольклор и фольклорный мир коми-ижемцев. По своему сюжетному составу и основным темам ижмо-колвинская эпическая традиция типична для исходных форм героического эпоса, но при этом неотделима от сказочно-мифологической традиции коми.

На основе полученных автором обобщенных данных о традиции обосновывается необходимость дальнейшего исследования ижмо-колвинской фольклорной системы во взаимосвязи со всеми отмеченными надфольклорными факторами.

Ключевые слова: эпос, фольклор, коми, ненцы, полукочевое оленеводство, межэтнические контакты, жанровая система, песенный фольклор, прозаический фольклор, фольклорные заимствования, системный эффект.

А. V. Panyukov

The Izhmo-Kolva epic: Performer – Text – Audience

Abstract. The article reveals the features of the formation and development of Izhmo-Kolva epic tradition. The analysis of folklore and ethnographic archival materials and own field records allows us to speak about the deep bi-ethnicity and bi-cultural origins of considered tradition. The convergence of two completely different cultures – Komi-Izhemtsy short time mastered the reindeer and the world of nomads, and the Nenets switched to a settled way of life, adopted the language and customs of Izhemtsy – here has acquired a systemic effect. The author considers a number of interrelated factors that determined the specifics of the folklore system “Performer – Text – Audience”. Semi-nomadic herding, combining the rustic lifestyle and the nomad world, created two epic

ПАНИЮКОВ Анатолий Васильевич – к. филол. н., доцент, в. н. с. Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия.

E-mail: apankomisc@mail.ru

PANYUKOV Anatoly Vasilevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Scientific Associate, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Syktvkar, Russia.

E-mail: apankomisc@mail.ru

worldview and two audiences, which were oriented singers. There appeared a special intra-family dual reality: Komi-Izhma girls marrying a Kolva-Nenets brought to the new life their language, their customs, their lyrical perception of the world, and men – carriers epic world, the epic of knowledge – in this case were the Nenets. Not less important factor for understanding of specifics of tradition was also the bilingualism of audience. Not only performers, but also listeners had the special language competence creating and special conditions for broadcast of folklore knowledge. All these processes are deeply intertwined with the life and folk culture as such. It is due to the interaction of the noted system factors in the Izhmo-Kolva epic, in spite of the later formation, it is possible to single out layers characteristic for genetically different stages of the epic development. Actually, the epic tradition organically combined both the Nenets folklore and the folklore world of the Komi-Izhemtsy. In terms of its composition and main themes, the Izhmo-Kolva epic tradition is typical of the original forms of the heroic epic, but it is inseparable from the fairy tale and mythological tradition of Komi.

On the basis of the generalized data on the tradition obtained by the author, the necessity of further research on the Izhmo-Kolva folklore system is substantiated in connection with all the above-mentioned extra-folklore factors.

Keywords: epic, folklore, Komi, Nenets, semi-nomadic reindeer breeding, interethnic contacts, genre system, song folklore, prosaic folklore, folklore borrowings, system effect.

Введение

Открытие ижмо-колвинского песенного эпоса можно назвать одним из значительных фольклористических событий прошлого века. Коми фольклористы побывали во всех районах проживания коми оленеводов, расселившихся по обе стороны Уральских гор, им удалось записать около полусотни эпических произведений, которые и составили ядро этой фольклорной традиции. Ту культуру, которую застали собиратели, едва ли можно было бы назвать процветающей, тем не менее фольклористам удалось записать репертуар целого ряда талантливых исполнителей, эпические песни которых опубликованы в нескольких фольклорных сборниках [1-5].

Самым важным критерием определения самобытности ижмо-колвинского эпоса для А. К. Микушева, первого исследователя эпического наследия коми, являлся сам язык исполнения фольклорных произведений. Это эпические произведения, исполняющиеся на ижемском диалекте коми-зырянского языка, и они принадлежат коми культуре. Несмотря на то, что основная тематика ижмо-колвинского эпоса вполне соотносима с самодийским фольклором, ни одно произведение не находило прямого аналога в эпосе ненцев. Представление об уникальности этой эпической традиции подтверждалось и расширялось с каждой новой экспедицией, особенно когда появилась необходимость говорить о параллелях между коми и обско-угорскими традициями. Все это и позволило А. К. Микушеву говорить о северно-коми эпосе как о сложном, органичном соединении финно-угро-самодийских компонентов. В результате такого симбиоза ни одно ижмо-колвинское эпическое произведение не повторяет ни ненецких песен-*сюдбабц*, ни угорских героических песен, ни собственно пермских сказаний. Несмотря на позднее формирование, в ижмо-колвинском эпосе можно выделить пласты, характерные для генетически разных этапов развития эпоса. Наиболее «архаичный», сказочно-мифологический эпос представлен повествованиями о чудесных превращениях героев, которыми выступают сказочно-мифологические персонажи, как правило, это зооантропоморфные или антропоморфные существа, враждебные человеку. Они вбирают в себя черты противников героя финно-пермского и самодийского фольклора, зачастую выступают под двойными пермско-самодийскими именами: Семиглавый Гундыр-Сюдбей и Ёма-Сюдбеиха. Столь же неоднороден и многослоен собственно героико-богатырский эпос. И самый поверхностный, социально-исторический пласт включает в себя произведения, повествующие о реальных исторических событиях XIII-XIX вв. (периода колонизации и христианизации тундры на Европейском Севере России) [6].

Еще более пеструю картину бытования фольклорной культуры раскрывают публикации и исследования последних лет [7, 8]. Они позволяют утверждать, что собственно эпический репертуар здесь неотделим от остальных составляющих ижмо-колвинской фольклорной традиции. Маркером этой нерасчлененности может послужить жанрообразующая система «Исполнитель – Текст – Аудитория», сложность и противоречивость которой мы и попытаемся продемонстрировать ниже.

Исполнитель

Большинство эпических сказителей, с которыми работали собиратели в середине прошлого столетия, называли себя «колва яран» (колвинский ненец); у зауральских носителей традиции наряду с «колва яран» использовался этноним «изьва яран» (ижемский ненец). Этим они противопоставляли себя и «изьватас» – коми-ижемцам и тундровым ненцам, сохранившим приверженность к ненецкому языку и ненецкому образу жизни. Среди записанных фольклористами исполнителей можно выделить несколько ярких типов сказительства. Прежде всего, это исполнители-певцы, одинаково владевшие и певческой, и прозаической формой сказительства. В свою очередь, их можно разделить на несколько групп: исполнителей комиязычных эпических произведений и двуязычных исполнителей. При этом в репертуар двуязычных певцов могли входить и эпические песни тундровых ненцев, исполняемые как на коми, так и на ненецком языках. Собирателями были зафиксированы и «переходные» формы двуязычного исполнения, когда ненецкая песня пересказывается и комментируется на коми языке. Таким носителем двух культур может быть назван Ф. И. Хатанзейский из д. Волоковая (Канинский полуостров), «колва яран» по происхождению, но большую часть своей жизни связанный с традицией тундровых ненцев. Наглядным примером двуязычной исполнительской традиции является, например, записанная от него в ходе полевых исследований в Канино-Тиманском регионе эпическая песня «Семь Лосей» [4, с. 302-422]. Эта песня представляет типичный и для ижмо-колвинских, и для ненецких произведений сюжет о юноше-мстителе. По сюжету, у семи братьев Хабарта-Лосей, убитых в войне с родом Семи Варо, подрастает Быдтас-Питомец (в тексте на коми языке выделяется как имя главного героя; в тексте на ненецком – ‘выращенный Хабартами’ – один из эпитетов) – главный герой, которому предназначено одолеть врагов. Сказитель Ф. И. Хатанзейский, будучи «колва яран» – колвинским ненцем по происхождению и коми по языку, всю жизнь провел в канинской тундре и стал носителем культуры тундровых ненцев. Вполне вероятно, что ему была известна дуэтная форма исполнения эпоса, характерная для тундровых ненцев, поскольку в своем исполнении Ф. И. Хатанзейский как бы выступает и в роли основного певца, соотносимого с ненецким «сюдбабц мэта», и в роли поясняющего – «тэлтангода». Вначале исполнитель поет фрагмент на ненецком, затем переводит и комментирует пропетый фрагмент на коми языке. При этом исполнитель четко фиксирует различия в языке. Так, имена главных персонажей *Семь Варо* при пересказе на коми языке исполнитель воспроизводит на обско-угорский манер *Сизим Вора* < *ворна* ‘ворон’ и дает пояснение: «*Ворайс – сыа мыйла кырнышен лэбзеныс*», т. е. «Вора – потому что они как вороны летают-мчатся». Ю. Г. Рочев в своих черновых расшифровках воспроизводит как *Сизим Ворна* (Семь Ворна) < хант. ‘ворон’. Однако само слово *варо* не переводится с ненецкого языка. Коми *лола* ‘лось’ соответствует ненецкому *хабарта*, в диалектах имеющему значение ‘похожий на лосей’.

Такой же двуязычный и двувидовой песенно-прозаический вариант исполнения характерен и для И. Г. Пичкова из с. Несь, типичного представителя «колва яран»: его бабушка была коми-ижемка, дед – колвинский ненец, жена – тоже коми-ижемка, в семье пользовались коми-ижемским языком. А. К. Микушев записал от Ильи Григорьевича около десятка уникальных эпических произведений, органично соединивших традицию «колва яран» и традицию канинских, тундровых ненцев. Как отмечает собиратель в своем отчете об этой экспедиции, И. Г. Пичков мог бы по праву представлять не только коми, но и ненецкую эпическую традицию [9, с. 27-28].

И. Г. Пичкова можно отметить и как исполнителя еще одной, особой категории певцов-импровизаторов, создававших новые песенные формы прозаических сказочных (в основном волшебного-героических) сюжетов. О некоторых исполнителях этого типа мы скажем ниже.

В этой же традиции среди «колва-яран» выделялись и исполнители, основу репертуара которых составляла уже собственно коми-ижемская традиция. Тот же М. И. Лабазов из с. Колвы, тоже «колва яран» по происхождению, обладал замечательным певческим голосом. От него собирателями удалось записать песенную лирику на коми и русском языках, целый ряд прозаических эпико-героических сказаний «яран мойд» и коми сказок.

Во время нашей зауральской экспедиции 2003 г. нам рассказали о сказочнике Егоре Выучейском, жившем в одно время с самым знаменитым исполнителем из с. Мужы Г. Н. Валеевым. Егор Выучейский – «Егорша старик», «колва яран» по происхождению, был ярким исполни-

телем-сказочником: «Каждый вечер рассказывал, мастер был. Три вечера, бывало, одну сказку рассказывал. О богатырях, о Князе Владимире и тому подобных... Рассказывал и ненецкие сказки о том, как “яраны” воюют между собой, стреляя из луков. Так рассказывал, не пел» [10].

На этом фоне исполнительства совершенно особый тип трансляции ижмо-колвинской традиции представляли женщины-сказительницы. В большинстве своем они не были профессиональными певцами и осваивали эпические песни от певцов-мужчин, с которыми общались в оленеводческой жизни. Так, например, одна из лучших сказительниц из с. Колвы У. А. Коскова с самого рождения с родителями жила в тундре, причем родители были полукочевыми оленеводами, и часть их семьи жила в самой Колве.

Многие эпические произведения, попавшие в женский репертуар, приобрели яркие лиро-эпические черты. Прежде всего, это те песенные сюжеты, в которых ведущей становится тема сватовства, которая подвергается фольклорной идеализации. Примером такой трансформации могут послужить эпические песни «Куйм мама-пия» («Мать и два сына»), «Вит кӧрес ке кутала» («Поймаю-ка я пятерых своих оленей»), «Важен оліс яран гозья» («Прежде жили ненец с ненкой») [4, с. 160-193]. Такая же трансформация характерна для эпических песен А. И. Выучейской. Сказочно-мифологическое начало, характерное для ненецких *сюдбаби*, в ее вариантах явно отходит на второй план, а типичный для богатырского эпоса сюжет о добычании жены у великана-Сюдбея в исполнении А. И. Выучейской превращается в лиро-эпическую песню об удачном замужестве дочери Сюдбея. Именно дочь Сюдбея здесь является главным персонажем, вокруг которого строится весь сюжет, а начиная с момента окончательного сватовства, повествование ведется от ее лица. Таким образом, возникает своего рода «женский» эпос со своими поэтическими приемами и смысловыми акцентами. По словам исполнительницы, многие эпические песни она переняла от своего свекра Г. И. Хатанзейского из пос. Кары. И по всей вероятности, появление лиро-эпических элементов связано уже с ее собственным исполнительским творчеством. Так, исполняя эпическую песню «Куйм Вай вок» («Три брата Вай»), А. И. Выучейская весьма ярко демонстрирует свои импровизаторские навыки. Вначале по какой-то причине исполнительница решает сократить сюжет и переходит на прозаическое изложение, вероятно с одним из «стандартных» ходов: братья принесли среднего брата в жертву и зажили счастливо. Однако затем, после паузы, возвратилась к тому месту песенного варианта, на котором остановилась ранее и продолжила уже без отступлений от исходного сюжета: младший Вай приносит в жертву своих и сватает за себя единственную дочь старика-великана Ламдо.

Важное место в ижмо-колвинской традиции занимает особый женский жанр песенных импровизаций – так называемый «нуранкыв» со своей особой поэтикой и средой исполнения. Общей чертой большинства этих произведений импровизационного характера является их автобиографичность, и почти каждая песня-*нуранкыв* вносит изменения в ранее сформировавшееся представление об этом жанре. Даже опираясь на сюжет, достаточно сложно отделить *нуранкыв* от песен, определяемых самими исполнителями как «яран съланкы» (ненецкая песня), «пение в манере сказки», «*нуранкыв* в манере сказки». Сами исполнительские определения подчеркивают исконную взаимосвязь между песнями-*нуранкыв* и эпосом. Большинству *нуранкыв* присуща манера исполнения, вызывающая ассоциации с песенной традицией ненцев: негромкое, достаточно монотонное исполнение песни для себя, иногда про себя, во время поездки по тундре, на досуге у костра в чуме и т. д. Однако не менее очевидно и то, что оленеводческие *нуранкыв* опираются на устойчивую традицию коми-ижемских внеобрядовых импровизаций. Довольно часто они близки и по тематике, и по приуроченности к определенным событиям из жизни. С этих позиций песни-*нуранкыв* можно определить как разновидность житийных причитаний автобиографического характера, известных и другим этнографическим группам коми. Говоря об истоках этого жанра, вполне допустимы параллели с ненецкими песнями-плачами «ярабц» и личными песнями «ябе сѐ». Определенные контуры этого жанра очерчивают зафиксированные собирателями «пограничные» варианты. Одним из таких *нуранкыв* является «Песня захмелевшего человека» Г. Н. Валеева, исполненная на тот же напев и в той же манере, что и все его эпические песни. Исполнитель заранее оговаривает, что ее нужно петь медленнее, распевнее; видимо, и в соответствии с жанровыми требованиями песни-импровизации –

«нурем», и в соответствии с образом захмелевшего певца. По комментариям исполнителя, в песне рассказывается об одном реальном случае из жизни оленевода, после забоя оленей загулявшего на несколько дней: «Тая сыланккы, гажа мортлэн сыланккы. Юыгмозыс сыллэ. Сийе лӧседліс кулак, Васько Вань Федь вӧлі. Вина юыгмоз сыллэ, нинэм кериг моз. А сэк бара винас эз вӧӧ, водзынсэ, а мӧдьясыс бара самокур лэдзены пызьысь, вина карэныс. А сіе бара корэ, вайлэ, шуас, самокуртэ» [11] («Это песня, песня захмелевшего человека. Пьет, во хмелю и напеваёт. Сложил её один богач-кулак, Васько Вань Федь звали. Пьет самогон и от нечего делать поёт. А тогда ведь спиртного не было, а те самокур гнали из муки. А он пришел к ним и требует самокура» [Пер. наш]). Эта «личная песня» близка по теме эпической песне «Валей вок» («Брат Валей») [4, с. 216-217], но более развита в сюжетном и композиционном плане (с диалогами, с развернутыми описаниями своего богатства и т. п.).

Записанные собирателями *нуранкыв* различны по содержанию и по объёму. Некоторые из них насчитывают всего по 15-20 стихотворных строк и повествуют о каком-либо эпизоде из жизни автора или исполнителя, перенявшего *нуранкыв* от создателя. На этом фоне песня-*нуранкыв* А. И. Выучейской, состоящая из 1130 стихов, соотносима с лучшими образцами эпических песен. Как и многие другие произведения из её репертуара, этот *нуранкыв* обладает синтетическими чертами и коми-ижемских причитаний, и эпических песен, и традиционной лирики.

В качестве ещё одной отличительной черты ижмо-колвинской исполнительской традиции необходимо отметить существование «встречного течения», характерного для коми-ижемцев. Достаточно часто именно коми-ижемцы становились исполнителями ненецкого фольклора или исполняли свои произведения для ненцев. Одним из таких исполнителей был Е. А. Вокуев, который сам переводил ненецкие песни и исполнял их на коми и на ненецком языках. С юных лет Е. А. Вокуев пас оленей вместе с большеземельскими ненцами, освоил язык и фольклорную культуру тундровых ненцев. Переселившись в начале прошлого века на Канинский полуостров, стал выступать в роли исполнителя и популяризатора ненецкой эпической традиции. По воспоминаниям дочери, Е. Е. Чупровой, накануне Великой отечественной войны его не раз возили в Нарьян-Мар петь ненецкие песни [9, с. 25]. Среди зауральских исполнителей немало коми-ижемцев свободно владели не только ненецким, но и хантыйским языками и знали фольклор обских угров. Несколько таких исполнителей записал А. К. Микушев в пос. Горки Шурышкарского р-на Тюменской области в 1970 г. Так, например, ижемец Т. И. Витязев, сорок лет проработавший в тундре пастухом, легко исполнял песни на коми, на русском и на хантыйском языках. Примечательна в этом плане исполненная им хантыйская «личная» песня – «ӧстяк сыланккы», в которой поется о коми ижемце, выбранном в зятя [12]. Судя по всему, у ненецкоязычных коми-ижемцев подобные «личные» песни – «ябе сё» тоже были распространены. Одна из таких песен – песня Лёни Канёва («Канёв Лёня сё») вошла в сборник «Фольклор ненцев» [13, с. 393]. Во всяком случае, именно такие «личные» песни могли стать прообразами многих коми импровизаций – *нуранкыв*.

Текст

В том состоянии, в котором удалось зафиксировать собирателям, ижмо-колвинский фольклор не имеет привычных жанрово-тематических рамок. Как и во многих других эпических традициях, прозаические и песенные произведения здесь неотделимы друг от друга, и едва ли не любое из них может и петься, и рассказываться. Не менее сложно выделить критерии для разграничения эпических песен от произведений лиро-эпического характера. Собственно эпическая традиция органично соединила в себе ненецкий фольклор и фольклорный мир коми-ижемцев. Яркий вариант контаминации этих составляющих представляет опубликованная во втором томе «Коми народных песен» песня «Яран гӧсти лэччис» («Ненец в гости отправился»), записанная от А. П. Мальковой в с. Колва [14, с. 98-99]. Публикаторы не смогли подобрать подходящего определения к этому произведению и дали неудачное название, хотя и по содержанию очевидно, что это женская песня-импровизация, поэтому вполне правомерно было бы озаглавить её «Песня супруги Дёля Вань» («Дёля Вань гӧтыр»). Коми песня начинается с формулы счета на ненецком языке: оленеводка загоняет двести быков в загон, считает их, затем отбирает пятерых неклеяемых оленей, которых и запрягает в сани. Далее разворачивается сюжетная схема, традиционная для многих песенных сюжетов: «сборы в дорогу» – «долгий путь» –

«приезд» – «праздничное угощение» – «величание / самовеличание». Эта песня-импровизация отличается и по своей музыкально-поэтической организации. Музыкальное построение расчленяется на собственно напев и припевную часть, которая основана на вокализации вставных слогов. Присутствие в конце мелострок распевных оборотов традиционно для ненецких песен, однако здесь представлен редкий случай, когда вставные слогоноты образуют самостоятельную мелодическую и ритмическую конфигурацию – т. е. приобретают функцию рефрена. В других лироэпических произведениях мотив быстрой езды-движения передается клишированными звукоподражательными формулами: «ихнитис да охнитис» («ихнул да охнул»), «кисьнитис да косьнитис» («гикнул-шикнул и помчался») и др.

По своему сюжетному составу и основным темам ижмо-колвинская эпическая традиция типична для исходных форм героического эпоса – это, прежде всего, сюжеты о юноше-мстителе, сюжеты о поиске невесты и героическом сватовстве. Однако при этом она легко «вписывается» в сказочно-мифологическое пространство коми традиции. Не случайно сами исполнители называют исполняемые эпические произведения «яран мойдьяс» (букв. ненецкие сказки), «сылэмен яран мойдьяс» (букв. ненецкие поющие сказки), «яран мойдьяс изьватас кылэн» (букв. ненецкие сказки на ижемском языке). Эти две сказочно-эпические составляющие могут сопоставляться как сказки об оленеводческой жизни («яран мойд») и ижемские сказки («изьватас мойд») о «христианской», т. е. крестьянской жизни.

Контаминация отдельных сказочных мотивов и образов как коми, так и ненецкого фольклора присуща таким исполнителям ижмо-колвинского эпоса, как И. Г. Пичков. Ярким образцом подобного творчества является эпическая песня-сказка «Озыр кёрдорсалён пи» («Сын богатого оленевода»). Образ главного героя *Ёнар тэта* здесь соединяет в себе черты ненецкого богатыря и находчивого солдата популярных сказок. Собственно и сюжет произведения представляет собой такую же контаминацию ненецкого эпоса и русской народной сказки, освоенной коми традицией. Главный герой-оленеvod едет на войну; там ему удастся пробраться в укрепление неприятеля и убить чародея, ковавшего из камня солдат для вражеского войска; после победы герой женится на дочери Хозяина Салехарда, который уговаривает его остаться жить во дворце, чтобы стать следующим хозяином [4, с. 126-139].

Весьма оригинальным образцом сочетания коми сказочной и ненецкой эпической традиции может быть названа эпическая песня на сюжет сказки о царевне лягушке с типичным эпическим зачином «Прежде жили ненец с ненкой, у них было три сына» [4, с. 196-216]. Как отмечает сама исполнительница, эту песню она сложила на основе сказки, которую ей рассказывала мать. По своей тематике (тема героической женитьбы младшего сына), по типичному набору эпических персонажей и ключевому для богатырского сюжета мотиву стрельбы из луков такое музыкально-поэтическое переложение прозаического текста весьма тонко отражает жанрово-тематическую специфику оленеводческой эпики. Если бы не чуждый для данной фольклорной эстетики образ девушки-лягушки, это произведение вполне «вписалось» бы в сюжетику ижмо-колвинского эпоса. Отметим, что сказка на сюжет царевны-лягушки («Лягушка-купеческая дочь») бытовала и у тундровых ненцев [15, с. 29]. Говоря о жанрово-тематической специфике ижмо-колвинских эпических произведений, стоит отметить и эпическую песню «Сядей старик пи» («Сын Сядея старика»), сюжет которой построен зеркально: сын Сядея был превращен в собаку, которая по ночам оборачивается в человека; его молодая жена сжигает собачью шкуру, и герой вынужден три года блуждать по тундре. Мотив поиска героем своей стрелы характерен для зачинов многих ижмо-колвинских эпических сюжетов. Так, главный герой эпической песни «Хетэнзей» юноша-богатырь пускает стрелу, которая пронзает трех оленей, и отправляется на поиски стрелы. В прозаической версии эпического сказания «Дикей кёрьяс» («Дикие олени») младший брат отправляется на поиски стрелы, застрявшей в рогах дикого оленя; в заморской земле он находит невесту, сосватанную ему еще при рождении [5, с. 55-71]. Особое место в контексте всей фольклорной традиции занимает репертуар М. Г. Терентьева из пос. Белоярский. Будучи, прежде всего, исполнителем-сказочником, он стал использовать достаточно оригинальное сочетание коми сказочной традиции и собственно оленеводческого фольклора. Это дало возможность создать оригинальные авторские произведения с необычным сказочно-мифологическим хронотопом, который при этом имел и общие черты со всей ижмо-колвинской

эпической традицией. Так, в его эпической песне «Жил-был внук старухи по имени Сюр Труж» появляется уникальный образ семиголового гундыра-сюдбея – «сизим юра гундур-сюдбей» [16]. Имя *Сюр Труж* можно перевести с коми языка как «стружка от рога»; возможно, в исходном варианте имя героя было связано с мотивом его чудесного рождения, как, например, в ненецкой сказке «Стружка»: старик-людоед пожирает людей, справиться с ним смог только рожденный из деревянной стружки сын старухи по имени Стружка. Образ коми сказочного семиголового чудовища, вероятно, и для слушателей оказался вполне соотносим с образом лесного духа ненецкой сказки [17, с. 131-136]. Записанная в этой же экспедиции эпическая песня М. Г. Терентьева «Оліс-выліс беднэй детина» («Жил-был парень-бедняк») представляет собой распетый на авторский манер текст волшебной сказки «Лиса-помощница»: лиса съедает пять куриц бедного юноши; за это она, проявив хитрость, женит его на царевне. Такая авторская версия исполнения «чужеродного» казалось бы сюжета находит отклики с другими богатырскими сюжетами о юноше-мстителе, вошедшими в его сказительский репертуар.

Аудитория

Ключевую роль в становлении новой исполнительской традиции сыграло воспринятое ижмо-колвинцами полукочевое оленеводство. В отличие от тундровых ненцев, кочующих в течение всего года, ижемские оленеводы совместили оседлый, деревенский образ жизни и тундровое оленеводство. Уже к началу XVIII в. коми-ижемцы начинают практиковать отгонный выпас, некоторые оленеводы стали перемещаться со своими стадами в Большеземельскую тундру. К концу XVIII в. оленеводство коми-ижемцев приняло характер крупнотабунного, а к середине XIX в. стало ведущей отраслью хозяйства. Юго-восточная часть Большеземельской тундры, ее лесистая зона по р. Усе и ее притокам, защищенная от сильных ветров, оптимально подходила для выпаса оленей в зимнее время. На границе между тайгой и лесотундрой и возникло поселение, ставшее центром формирования ижмо-колвинской традиции. Здесь проходил один из самых больших оленегонных маршрутов, а будучи расположенным на границе между тайгой и лесотундрой, среди обширных лугов в низовьях реки, это место как нельзя лучше подходило для постоянного поселения. Обособление колвинских ненцев тесно связано с распространением христианства среди европейских ненцев. В 1827 г. по инициативе епископа Вениамина чуть выше устья р. Колва была основана православная церковь, ставшая впоследствии центром формирования новой волости. Первопоселенцы Колвинской волости оказались в зоне сильного культурного влияния соседнего оседлого и полуоседлого населения – ижемских коми. К концу века ненцы Колвинской волости и более южных районов в большинстве своем были уже православными и вели, как и ижемские оленеводы, полукочевой образ жизни. В начале прошлого века здесь появляются и другие поселения-выселки оседлых ненцев, основанные выходцами из села Колвы. Смена религии и восприятие оседлости обусловило упрочение межнациональных браков. По статистическим данным в 1909 г. 60 % колвинских семей были смешанными, причем в большинстве из них коми по происхождению была жена [18]. Выходя замуж за оседлых и уже принявших православие колвинских ненцев, коми-ижемки без особых затруднений приносили в новую жизнь свой язык, свои обычаи, свое лирическое мировосприятие, а мужчины – носители эпического мира, эпических знаний – принимая ижемский образ домашней жизни, при этом еще долго оставались оленеводами-кочевниками. Переход на оседлость и полукочевое оленеводство привел к возникновению особого «социально-экономического» двоимирия, совмещающего деревенский космос (в зимний период) и мир кочевника. В контексте бытования фольклорной традиции это двоимирие создавало две отличающиеся по языку, по составу и эстетическим вкусам аудитории, и, соответственно, два фольклорных мировосприятия, на которые были ориентированы певцы. Зимой основными слушателями становились жители поселений, возле которых зимовали стада. Например, в начале XX в. в с. Колва насчитывалось 64 оседлых ненецких домохозяйства, население которых составляло 300 человек; к ним было приписано около ста кочевых ненцев (колвинцев) [19]. Сравнивая свои впечатления с описанием встречи М. А. Кастрена с ненцами столетней давности, А. К. Микушев так описывает типичную ситуацию исполнения во время работы в пос. Харута, расположенном в самом центре Большеземельской тундры и заселенном «колва-яран»: «Словно ничего не изменилось в тундре с кастреновских времен. Только вместо чума люди собрались в теплом деревянном доме. Вместо скамейки

в комнате стояли стулья. И гости сидели не на оленьих шкурах, а удобно расположились – кто на стульях, кто на диване, а кто из-за недостатка места на аккуратно заправленной никелированной кровати хозяйки. Но так же блестели глаза, так же румянились лица взволнованных песней женщин, когда 92-летняя М. Г. Чаклинова запела о трех Вай братьях; запела глуховатым, надтреснутым, старческим голосом. Сначала некоторые слова я понимал с трудом, но видно было, что аудитория давно привыкла к голосу певицы, с благоговением принимая и ожидая каждое слово. Время от времени женщины, как тогда, сто лет назад, выражали свое одобрение или осуждение поступков персонажей, свои переживания тем же возгласом “хе-е” [6, с. 63].

Летом основной аудиторией эпических сказителей становились кочующие по тундре оленеводы. Здесь, вероятно, стоит отметить и то, что на саму ситуацию исполнения оказывал влияние и ижемский чум – более просторный и имеющий центральное «общее» помещение с очагом и красным углом напротив входа. В отличие от небольших, семейных чумов, используемых тундровыми ненцами, ижемский чум давал возможность для общего досуга, на котором сказители играли главную роль.

По мере укрупнения хозяйства постепенно расширялись и пастбища ижемцев, в северо-западном направлении – к Канинскому и Кольскому полуостровам и в северо-восточном направлении – к Уралу и за Урал, где было много свободных земель и хороших ягельников. Первоначально ижемские оленеводы переходили на восточные склоны Урала со стадами оленей только на летний период, возвращаясь на зиму в район Ижмы. К середине XIX – концу XIX вв. сложились первые локальные группы зауральских коми. Они постепенно осваивали территории тундры и лесотундры Северного Зауралья, к концу XIX в. у зауральских ижемцев-оленеводов сложилась своя система кочевания в виде сезонных миграций в европейские тундры и обратно, в сентябре-октябре они возвращались на место зимовки. Так, один из самых ярких эпических сказителей Г. Н. Валеев из с. Мужы, по своим воспоминаниям, не менее ста раз пересекал Урал, кочуя со своим стадом к Карскому морю и обратно. В отличие от тундровых ненцев, ижемские оленеводы и здесь практиковали систему выпаса оленей крупными стадами, обычно около двух тысяч голов. С этой целью несколько хозяев объединяли свои стада в одно большое, с которым вполне справлялись 10-12 помощников-пастухов. Их обычно нанимали из ненцев, считавшихся лучшими в этом деле [19]. Эту нишу заняли в свое время и колвинские ненцы. Во второй половине XIX в. некоторые колвинцы вместе с коми-ижемцами стали перекочевывать за Урал в пределы Тобольской губернии. В 1887 г. четыре коми-ижемских семьи со своими стадами, спасаясь от эпизоотии, перешли по льду из Большеземельской тундры на Кольский полуостров. Через несколько лет к ним присоединились другие коми-ижемцы, а вместе с ними переселились и их пастухи-ненцы. Таким образом, эпический репертуар ижмо-колвинской традиции оказался почти равномерно распределен по всей территории проживания коми-ижемских оленеводов.

Не менее важным фактором для понимания специфики традиции являлась двуязычность аудитории. Еще в середине прошлого столетия двуязычность, и даже владение тремя – ненецким, коми и русским – языками было широко распространенным явлением и среди ижемских оленеводов, и среди тундровых ненцев. Поэтому не только исполнители, но и слушатели обладали особой языковой компетенцией, создающей особые условия для трансляции фольклорных знаний. Вероятно, творчество сказителей, умение создавать новые образы и сюжетные ходы, было ориентировано, прежде всего, на ожидания слушателей. К. Ф. Канев из пос. Харута в своих воспоминаниях описывает типичную для него аудиторию, которую составляли как коми оленеводы, так и «колва яран», владевшие коми языком. Т. е. опять же коми-ижемец по происхождению выступал не только в роли носителя, но и в роли проводника эпической традиции для самих колвинцев. При каждом удобном случае его приглашали в гости как умелого сказителя [20]. Репертуар К. Ф. Канева весьма показателен в плане общего представления о жанрово-тематическом своеобразии произведений, которые определяются исполнителями как «яран мойд».

Заключение

Мы коснулись только некоторых аспектов межэтнического взаимодействия, в результате которого складывалась рассматриваемая фольклорная система. Очевидно, что ни один этнологический критерий не в состоянии охватить всех ее составляющих: исполнители могут быть

и коми, и ненцами; исполнять они могли и ненецкие и коми произведения, бытовали здесь и двуязычные варианты с параллельным переводом или комментариями на коми языке; слушателями могли быть и ненцы, и коми. Можно попытаться вычленив из этой системы фольклор на коми языке, или репертуар только коми исполнителей, или фольклор, исполняемый для коми аудитории, но даже в этих трех вариантах не сможем соблюсти идентичность. Для понимания феномена ижмо-колвинской традиции необходимо отталкиваться от более глубоких, системных принципов ее возникновения. Все затронутые нами факторы взаимодействия и взаимопроникновения ненецкой и коми традиций неотделимы от жизни фольклора. Все они вместе, соединившись в единый культурогенный импульс, и вызвали рождение новой фольклорной эстетики уже не разделимой на этнические слагаемые новой традиции.

Литература

1. Микушев А. К. Коми эпические песни и баллады. – Л.: Наука, 1969. – 295 с.
2. Коми народный эпос / Под ред. А. К. Микушева. – М.: Наука, 1987. – 686 с.
3. Vászolyi–Vasse, Eric: Syrjaenica II. Narratives, Folklore and Folk Poetry from Eight Dialects of the Komi Language. Vol. 2: Kolva and Usa Specimina Sibirica XV, XVII, XIX. – Savariae – Szombathely, 2001. – 531 p. (на англ. яз.)
4. Фольклор коми и ненцев Ненецкого автономного округа (в записях Фольклорного фонда ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН 1968-1973 гг.) / Сост. А. В. Панюков. – Сыктывкар: Кола, 2009. – 500 с.
5. Изсайса комяслён фольклор (Фольклор зауральских коми) / Сост. М. И. Ёлтышева, Н. С. Коровина, А. В. Панюков. – Сыктывкар: Редакционно-издательский раздел ИЯЛИ Коми НЦ, 2016. – 295 с.
6. Микушев А. К. Коми народный эпос // Коми народный эпос. – М.: Наука, 1987. – С. 8-64.
7. Панюков А. В. Синергетика фольклорных контактов: ижмо-колвинская фольклорная традиция // Фольклористика коми: Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. – Сыктывкар: Редакционно-издательский раздел ИЯЛИ Коми НЦ, 2012. – С. 189-208. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 70).
8. Панюков А. В. Ижмо-колвинский эпос: встреча традиций // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 4 (24). – Сыктывкар: Редакционно-издательский раздел Коми НЦ, 2015. – С. 30-41.
9. Микушев А. К. Научный отчет о Канино-Тиманской фольклорной экспедиции (май-июнь 1972 г.) // Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 118. Т. 1. – 241 с.
10. Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра. Видеозапись В1907-22, дер. Киеват Шурышкарского р-на Тюменской обл. Исп.: С. Ф. Конев 1934 г. р. Соб.: А. В. Панюков, П. Ф. Лимеров. 2003 г. (на коми яз.)
11. Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ. Аудиозапись К255-6, с. Мужы Шурышкарского р-на Тюменской обл. Исп.: Г. Н. Валеев. Соб.: А. К. Микушев, Ю. Г. Рочев. 1970 г. (на коми яз.)
12. Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ. Аудиозапись К253-6-8, пос. Горки Шурышкарского р-на Тюменской обл. Исп.: Т. И. Витязев. Соб.: А. К. Микушев. 1970 г. (на коми яз.)
13. Фольклор ненцев / Сост. Е. Т. Пушкарева, Л. В. Хомич. – Новосибирск: Наука, 2001. – 505 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 23).
14. Коми народные песни. Т. 2: Ижма и Печора. Изд-е 2-е. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1994. – 192 с.
15. Пушкарева Е. Т. Историческая типология и этническая специфика ненецких мифов-сказок. – М.: Мысль, 2003. – 286 с.
16. Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ. Аудиозапись К263-2, пос. Белоярский Приуральского р-на Тюменской обл. Исп.: М. Г. Терентьев 1933 г. р. Соб.: В. М. Кудряшева. 1970 г. (на коми яз.)
17. Мифологическая проза малых народов Сибири и Дальнего Востока / Сост. Е. С. Новик [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/13.Struzhka.htm> (дата обращения: 20.05.2017).
18. Истомин К. В. Колва-яран: происхождение; межэтнические контакты; прирост населения поселения оседлых ненцев; колвинские ненцы в XX в. // Сайт «Традиционная культура народов Европейского Севера». 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komi.com/folk/nenci/> (дата обращения: 01.01.2015).
19. Повод Н. А. Оленеводство коми-ижемцев Северного Зауралья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006, № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://>

cyberleninka.ru/article/n/olenevodstvo-komi-izhemtsev-severnogo-zauralya-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-v (дата обращения: 20.05.2017).

20. Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ. Аудиозапись А2003-7, пос. Харута Ненецкого автономного округа Архангельской области. Исп.: К. Ф. Канев. Соб.: А. К. Микусhev. 1968 г. (на коми яз.)

References

1. Mikushev A. K. *Komi ehpicheskie pesni i ballady* [Komi epic songs and ballads]. Leningrad, Nauka, 1969, 295 p.

2. *Komi narodnyj epos* [Komi folk epic] / Red. A. K. Mikushev. Moscow, Nauka, 1987, 686 p.

3. Vászolyi–Vasse, Eric; Syrjaenica II. Narratives, Folklore and Folk Poetry from Eight Dialects of the Komi Language. Vol. 2: Kolva and Usa Specimina Sibirica XV, XVII, XIX. Savariae – Szombathely, 2001, 531p. (In Engl. lang.)

4. *Fol'klor komi i nencev Neneckogo avtonomnogo okruga (v zapisyah Fol'klornogo fonda IYALI Komi NC UrO RAN 1968-1973 gg.)* [Folklore of the Komi and Nenets of the Nenets Autonomous Area (in records of 1968-1973 of Folklore fund of ILLH of Komi SC, Ural Branch, RAS)] / Sost. A. V. Panyukov. Syktyvkar, Kola, 2009, 500 p.

5. *Izsajsa komiyaslön fol'klor (Fol'klor zaural'skih komi)* [Folklore of the trans-Ural Komi] / Sost. M. I. Yoltysheva, N. S. Korovina, A. V. Panyukov. Syktyvkar, Publishing department of ILLH, 2016, 295 p.

6. Mikushev A. K. *Komi narodnyj epos* [Komi folk epic]. In: *Komi narodnyj epos* [Komi folk epic] / Red. A. K. Mikushev. Moscow, Nauka, 1987, pp. 8-64.

7. Panyukov A. V. *Sinergetika fol'klornyh kontaktov: izhmo-kolvinskaya fol'klornaya tradiciya* [Synergetics of folklore contacts: izhmo-kolvinsky folklore tradition]. In: *Fol'kloristika komi: Regional'nye fol'klornye tradicii Evropejskogo Severo-Vostoka i Zaural'ya v mezhkul'turnom kontekste* [Folklore studies of the Komi: Regional folklore traditions of the European Northeast and Zauralie in a cross-cultural context]. Syktyvkar, Publishing department of ILLH, 2012, pp. 189-208 (Works of Institute of language, literature and history Komi SC. Iss. 70).

8. Panyukov A. V. *Izhmo-kolvinskij epos: vstrecha tradicij* [Izhmo-kolvinsky epic: meeting of traditions]. In: *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN* [News of Komi scientific center, Ural Branch, RAS]. Iss. 4 (24). Syktyvkar, Publishing department of Komi of Scientific center, 2015, pp. 30-41.

9. Mikushev A. K. *Nauchnyj otchet o Kanino-Timanskoj folklornoj ekspedicii (may-iyun 1972 g.)* [The scientific report on Kanino-Timansky folklore expedition (May-June, 1972)]. In: *Nauchnyj arhiv Komi nauchnogo centra, UrO RAN* [Scientific archive of Komi scientific center, Ural Branch, RAS]. F. 5, Op. 2, 118, T. 1, 241 p.

10. *Fol'klornyj fond Instituta yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo centra. Videozapis' V1907-22, der. Kievat Shuryshkarskogo r-na Tyumenskoj obl. Isp.: S. F. Konev 1934 g. r. Sob.: A. V. Panyukov, P. F. Limerov. 2003 g.* [Folklore fund of of Institute of language, literature and history of Komi SC. Video V1907-22. Village Kiyevat, Shuryshkarsky district of the Tyumen Region. Performer: S. F. Konev, 1934. Collectors: A. V. Panyukov, P. F. Limerov. 2003]. (In Komi lang.)

11. *Fol'klornyj fond IYALI Komi NC. Audiozapis' K255-6, s. Muzhi Shuryshkarskogo r-na Tyumenskoj obl. Isp.: G. N. Valeev. Sob.: A. K. Mikushev, Yu. G. Rochev. 1970 g.* [Folklore fund of ILLH of Komi SC. Audio recording K255-6, settlement Muzi, Shuryshkarsky district of the Tyumen Region. Performer: G. N. Valeev. Collectors: A. K. Mikushev, Y. G. Rochev. 1970]. (In Komi lang.)

12. *Fol'klornyj fond IYALI Komi NC. Audiozapis' K253-6-8, pos. Gorki Shuryshkarskogo r-na Tyumenskoj obl. Isp.: T. I. Vityazev. Sob.: A. K. Mikushev. 1970 g.* [Folklore fund of ILLH of Komi SC. Audio recording K253-6-8, settlement Gorki, Shuryshkarsky district of the Tyumen Region. Performer: T. I. Vityazev. Collector: A. K. Mikushev. 1970]. (In Komi lang.)

13. *Fol'klor nencev* [Folklore of Nenets] / Sost. E. T. Pushkareva, L. V. Homich. Novosibirsk, Nauka, 2001, 505 p.

14. *Komi narodnyje pecny* [Komi folk songs]. Vol. 2: Izhma i Pechora. Izd-e 2-e. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo, 1994, 192 p.

15. Pushkareva E. T. *Istoricheskaya tipologiya i ehtnicheskaya specifika neneckih mifov-skazok* [Historical typology and ethnic specifics of the Nenets myths fairy tales]. Moscow, Mysl', 2003, 286 p.

16. *Fol'klornyj fond IYALI Komi NC. Audiozapis' K263-2, pos. Beloyarskij Priural'skij r-na Tyumenskoj obl. Isp.: M. G. Terent'ev 1933 g. r. Sob.: V. M. Kudryasheva 1970 g.* [Folklore fund of ILLH of Komi SC. Audio

recording K263-2, settlement Beloyarskij, Priural'skij district of the Tyumen Region. Performer: M. G. Terentyev, 1933. Collector: V. M. Kudryasheva. 1970]. (In Komi lang.)

17. *Mifologicheskaya proza malyh narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Mythological prose of the small people of Siberia and the Far East] / Sost. E. S. Novik [Web resource]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/13.Struzhka.htm> (accessed May 20, 2017).

18. Istomin K. V. *Kolva-yaran: proiskhozhdenie; mezhehtnicheskie kontakty; prirost naseleniya poseleniya osedlyh nencev; kolvinskie nency v XX v.* [Kolva-yaran: origin; interethnic contacts; increase in population of the settlement of settled Nenets; kolvinsky Nenets in the XX century]. In: *Sajt "Tradicionnaya kul'tura narodov Evropejskogo Severa"* [Site "Traditional Culture of the People of the European North"]. 2001 [Web resource]. URL: <http://www.komi.com/folk/nenci/> (accessed January 1, 2015).

19. Povod N. A. *Olenevodstvo komi-izhemcev Severnogo Zaural'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Reindeer breeding of the Komi-izhemtsev of Northern Zauralie (the second half of XIX – the beginning of the 20th century)]. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [The bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. 2006, № 6 [Web resource]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/olenevodstvo-komi-izhemtsev-severnogo-zauralya-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-v> (accessed May 20, 2017).

20. *Fol'klornyj fond IYALI Komi NC. Audiozapis' A2003-7, pos. Haruta Neneckogo avtonomnogo okruga Arhangel'skoj obl. Isp.: K. F. Kanev. Sob.: A. K. Mikushev. 1968 g.* [Folklore fund of ILLH of Komi SC. Audio recording A2003-7, settlement Haruta, Nenets Autonomous Okrug of the Arkhangelsk region. Performer: K. F. Kanev. Collector: A. K. Mikushev. 1968]. (In Komi lang.)

